

Voprosy iazykoznaniiia, 1994, no. 5 (Sept-Oct.), 98-106.

Kevin Moss

БЫЛА ЛИ ОЛЬГА ФРЕЙДЕНБЕРГ МАРРИСТКОЙ?

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955)¹ жила и работала в среде, не слишком благоприятной для развития науки. В первые годы советской власти, как отмечает Н. В. Брагинская, редактор многих работ Фрейденберг, «научный скептицизм заметно потеснился, дав место пафосу построения совершенно новой науки на совершенно новых основах. Насущной становится проблема «происхождения» жизни, языка, человека, и решена она должна быть незамедлительно.»² Для этого требовалась совершенно новая наука, но не было достаточно времени чтобы досконально проверить новые принципы на опыте, в следствие чего оригинальность в науке иногда ценилась выше основательности. Выдвигались ученые, которые порвали с традиционными понятиями и методами, ученые провозглашавшие создание «советской» науки, которая все больше самоизолировалась от «западной», «буржуазной» науки. Эта самоизоляция достигла предела в 40-х годах, когда советские ученые целых отраслей знаний работали как бы в вакууме, герметически отделенные от внешнего мира.

Основное направление советских гуманитарных наук в 20–50е гг. было подсказано немецкой наукой 19-го века, но влияние более современной западной науки категорически запрещалось. Если теория была санкционирована официально—что происходило скорее по политическим, чем по научным причинам, только политические ошибки, реальные или мнимые, могли остановить ее бурный рост. Мир ученых в

¹Специалист по литературе античности, заведующая кафедрой классических языков ЛГУ с 1932 по 1951 г., и двоюродная сестра Бориса Пастернака

²Н. В. Брагинская, От Составителя. --О. М. Фрейденберг, Миф и литература древности, М., 1978, с. 569.

Сталинском Советском Союзе можно сравнить с теплицей, в которой теории растут без вмешательства внешней конкуренции, до тех пор пока не возникнут проблемы с главным садоводом, который, вместо того, чтобы чуть-чуть подрезать лишние ростки, вырывает растение с корнем. Без такого вмешательства, идеальные условия могут способствовать обильному росту любой теории.

Пример такой бурно развивающейся науки—«мичуринская биология» в применении Лысенко. Другой пример—Яфетическая теория Николая Яковлевича Марра. Ни биологию Лысенко, ни яфетическое языковедение Марра нельзя сформулировать в виде отработанной последовательной системы. Теория менялась с каждым годом и часто приходила в противоречие с предыдущими постановками.³ Но теория развивалась бурно.

После исходного утверждения, что грузинский язык находится в родстве с семитическими, Марр начал решать проблему происхождения языка всего человечества вообще. Претендуя в послереволюционные годы на место единственного «марксистского языковедения», так называемое «новое учение о языке» доказывало свою новизну тем, что категорически отвергало все общепринятые теоретические постановки. Марр не принимал учения о языковых семьях и о заимствовании в языках. Вслед ему, и Фрейденберг отвергла теорию заимствования в литературе. Подобно манифестам футуристов, работы Марра и Фрейденберг были рассчитаны и на то чтобы эпатировать публику. Эта черта относится к Фрейденберг даже до знакомства ее с работами Марра: главный тезис ее кандидатской диссертации о греческом романе⁴—генетическая

³О развитии и противоречиях в теории Марра см. Lawrence L. Thomas, *The Linguistic Theories of N. Ja. Marr*, Berkeley, 1957, с. 135-146.

⁴Название диссертации—Греческий роман, как деяния и страсти: она была защищена 14 ноября, 1924 в НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока.

связь христианского евангелия с греческим романом о любви—наверное шокировал более традиционных профессоров.

Роль Марра—один из самых важных вопросов в развитии Фрейденберг, как ученого. Как она смотрела на свои отношения к Марру и как близки были их теории? Можно ли отнести ее марристские связи к компромиссу с господствующей идеологией? Сегодня к наследию Марра относятся крайне осторожно: многие пострадавшие от марризма еще живы, и, поэтому, советские ученые занимающиеся Фрейденберг хотели бы умалить ее связи с Марром или представить их незначительными. На самом деле теории обоих ученых во многом перекликаются.

Данная статья—часть более обширной работы о Фрейденберг, основанной на целом ряде источников.⁵ С одной стороны есть прижизненные и посмертные публикации Фрейденберг. С другой стороны, недавно были опубликованы и «Воспоминания о Марре» самой Фрейденберг, которые она написала в 1936.⁶ Советскому читателю известны переписка Фрейденберг с двоюродным братом Борисом Пастернаком, которая была опубликована в 1988 в журнале «Дружба народов.»⁷ Два последних издания включают и отрывки из «Записок» Фрейденберг. Эти «Записки» (возможное название Фрейденберг «Пробег жизни»: это стоит как заглавие, но чаще всего она ссылается на свои «Записки») Фрейденберг написала в конце 40-х начале 50-х гг. Они составляют около двух с

⁵Kevin Moss, "Olga Freidenberg: A Soviet Mythologist in a Soviet Context," Ph. D. Diss., Cornell, 1984. Готовится английское издание полного текста последней книги Фрейденберг «Образ и понятие» с комментарием.

⁶Воспоминания о Н. Я. Марре.— Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации, М., 1988, с. 178-204.

⁷Борис Пастернак—Ольга Фрейденберг, Письма и воспоминания, «Дружба народов», 1988, №№ 7-10, под редакцией Н. В. Брагинской, Е. В. и Е. Б. Пастернаков. Более полный вариант переписки появился на западе под редакцией Эллиота Моссмана: Борис Пастернак—Переписка с Ольгой Фрейденберг, Нью Йорк, 1981.

половиной тысяч печатных страниц автобиографии и хранятся в архиве семьи Пастернаков в Оксфорде.⁸ Из них опубликованы всего две маленькие части.⁹

На теории Марра повлияло его романтически-националистическое отношение к своему родному грузинскому языку. Ситуацию усугубило также и невысокое мнение о западных лингвистах, плохо знающих кавказские языки. Уже в 1886 году Марру казалось, что есть сходство между грузинским и семитскими языками. Это «открытие» было сразу же подвержено критике со стороны преподавателей Марра¹⁰, но со временем эта мысль легла в фундамент его лингвистической теории. Марр расширил свою семью «яфетических» языков, включив в нее помимо грузинского, армянского, и всех коренных кавказских языков вплоть до баскского, этрусского, пелазгского, дравидских, и т. д. Его интересовали этнические и географические имена, уцелевшие в живых языках как реликтовые формы самых архаичных слоев. Когда он стал находить все больше и больше «яфетических» форм во всех языках мира, Марру пришлось отказаться от идеи существования яфетической семьи. Вместо этого, термин «яфетический» стал применяться к одной из стадий, через которые проходят все языки в «едином глоттогоническом процессе.» Путем «палеонтологического анализа» Марр искал самые архаичные элементы в языках мира и определил 12 этнических элементов, которые со временем были сведены к 7, потом к 5, и наконец, в 1926, к четырем: sal, ber, yon, goš, или просто A, B, C, D. Согласно Марру, «Все слова всех языков,

⁸«Записки» цитируются с любезного разрешения Лидии Леонидовны Пастернак-Слейтер, ссылка дается на тетрадку и страницу.

⁹О. М. Фрейденберг, *Осада человека.*—Минувшее: Исторический альманах 3, Париж, 1986, с. 7-44. Ольга Фрейденберг, *Будет ли московской Нюрнберг?*—«Синтаксис», Париж, 1986, 16, с. 149-163.

¹⁰Lawrence L. Thomas, *The Linguistic Theories of N. Ja. Marr*, Berkeley, 1957.

поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, состоят всего-навсего из четырех элементов.»¹¹ По новому учению о языке, все языки мира развивались по единому образцу и проходили стадии, которые соответствовали стадиям экономического и общественного развития. Марр обосновал свои языковые стадии теориями французского антрополога Л. Леви-Брюля и немецкого философа Э. Кассирера о стадияльном развитии мышления.¹² Бинарное разделение Леви-Брюля на первобытное и логическое мышление Марр расширил в более сложную схему нескольких стадий. Марр воспользовался так называемой «диффузностью» первобытного мышления, чтобы установить семантические связи между разными словами в разных языках. Углубляя свой анализ в доисторическое время—вплоть до палеолита, Марр уже не мог основывать свои теории на одной лишь морфологии. Единственным критерием сравнения осталась семантика. «Во всяком случае, по тем

¹¹Н. Я. Марр, Вступительная речь к курсу общего учения о языке, читанному в Азербайджанском университете.—Избранные работы, М., 1936, т. 2, с. 16.

¹²О влиянии теорий Л. Леви-Брюля и Э. Кассирера на яфетическое языковедение см. И. Г. Франк-Каменецкий, Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии.—«Язык и мышление», Л., № 3, 1929, с. 70-155; О. М. Фрейденберг.—Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы» Л., 1936, с. 23-36; Lawrence L. Thomas, *The Linguistic Theories of N. Ja. Marr*, Berkeley, 1957, с. 78-81, 114; Утверждения Франка-Каменецкого показывают, что Томас неправ, когда он отрицает прямое влияние Кассирера на развитие теории Марра. Далее о влиянии Кассирера см. А. В. Десницкая, О роли антимарксистской теории происхождения языка в общей системе взглядов Н. Я. Марра.—Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, М., 1951, т. 1, с. 57 и В. М. Жирмунский, Лингвистическая палеонтология Н. Я. Марра и история языка.—Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, М., 1952, т. 2, 186. О влиянии Леви-Брюля на Кассирера см. D. Bidney, *On the Philosophical Anthropology of Ernst Cassirer and Its Relation to the History of Anthropological Thought*, --*The Philosophy of Ernst Cassirer*, Evanston, 1949, с. 517-527.

доисторическим эпохам, когда не только в речи человека нет особой категории глаголов, нет строгой скристаллизовавшейся общности в речи, т. е. синтаксиса, как нет тогда ее и в жизни, нет, понятно, связанной с этой общностью морфологии, единственной путеводной нитью может служить семантика.»¹³ Дологическое мышление (по Леви-Брюлю) или мифическое мышление (по Кассиреру) не отличает часть от целого, вещь от свойства, общее от частного, пространства от времени, причины от следствия.

Научный успех Фрейденберг можно отчасти отнести к ее связям с Марром. Но нельзя предположить, что она претендовала на статус ученика Марра чтобы продвигать свою карьеру. Сходство между их теориями было естественным. Фрейденберг познакомилась с Марром в 1924 году, когда большинство ее идей уже были сформулированы, и до того, как новое учение о языке Марра стало единственной дозволенной школой языковедения.

До 1924г Фрейденберг не знала учения Марра. Она услышала о нем от А. Н. Генко¹⁴, коллеги на курсе у Жебелева¹⁵ и от С. Быховской¹⁶ в Публичной библиотеке. Но они впервые познакомились, когда Фрейденберг хотела устроить защиту кандидатской диссертации в ИЛЯЗВ-е (НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока). В конце разговора, Марр заметил —«вы должны во всех подробностях

¹³Иштарь (От богини матриархальной Афреварии до героини любви феодальной Европы).—Избранные работы, т. 3, с. 306.

¹⁴В мемуарах Фрейденберг пишет, что Анатолий Нестерович Генко, кавказовед, считал себя единственным учеником Марра пока не появился И. И. Мещанинов. О. М. Фрейденберг, Воспоминания о Н. Я. Марре.— Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации, М., 1988, с. 198, № 5.

¹⁵ Там же, с. 182.

¹⁶Софья Быховская, которая работала в Публичной библиотеке, директором которой был Марр, советовала Фрейденберг познакомиться и с Марром и с Франком-Каменецким.

рассказать мне вашу работу, потому что все, что я от вас услышал, то самое, что я делаю в лингвистике.»¹⁷

Диссертация Фрейденберг о «Деяниях Павла и Феклы» была первой советской диссертацией, так как после революции научные степени отменили как реликт старой системы. Для того чтобы обнародовать свои идеи, Фрейденберг воспользовалась публичными защитами своих двух диссертаций, кандидатской и докторской¹⁸. Защита «Греческого романа как деяния и страсти» 14го ноября 1924 в ИЛАЗВ-е была вехой в карьере Фрейденберг. Ее подход, который связывал греческий эротический роман с «Деяниями Павла и Феклы»—с параллелями между страстью в романе и страстями Христа и мучеников—оказался слишком революционным для традиционных профессоров. Все трое официальных оппонентов—Малеин, Толстой, и даже руководитель Жебелев—пытались снять с себя ответственность за ее работы. Она их обвинила в том, что новые принципы они принимают за ошибки. Не была она принята и некоторыми представителями «молодого» поколения. Как Фрейденберг позднее вспоминает, кто-то в зале встал и сказал, что это борьба двух поколений, «Однако молодое, новое поколение—это мы, формалисты. Я заявляю от имени этого поколения, что эта диссертация нам чужда, что мы не принимаем диспутанта.»¹⁹ Фрейденберг всегда противопоставляла свой метод методу формалистов.

¹⁷О. М. Фрейденберг, Воспоминания о Н. Я. Марре, с. 183–4.

¹⁸Брагинская сообщает, что Фрейденберг собиралась защищать свой последний труд, «Образ и понятие», в качестве докторской диссертации по философии, чтобы получить возможность опубликовать автореферат. Издать книгу не было возможности. Н. В. Брагинская, ред., Воспоминания о Н. Я. Марре.— Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации, М., 1988, с. 199, прим. 7.

¹⁹из «Записок», цит. Н. В. Брагинской, О работе О. М. Фрейденберг «Система литературного сюжета».— Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения, Рига, 1986, с. 274.

Но на этой же защите Фрейденберг нашла новых друзей и союзников в науке в лице И. Г. Франка-Каменецкого и Н. Я. Марра. Фрейденберг познакомилась с Франком-Каменецким, специалистом по Библии и близким коллегой Марра, предшествующим летом на одной из его лекций. Она пишет, что «все, что он говорил, до такой степени повторяло меня, что было мне почти неинтересно. Я занималась Грецией, ища связей и объяснений в Библии. Он занимался Библией, ища связей и объяснений в Греции.»²⁰ Франк-Каменецкий, естественно, одобрил работу Фрейденберг. Марр, который возглавлял Славянскую секцию института, решительной одобрительной речью «бесцеремонно закрыл прения. Он встал и зачитал написанные им самим слова резолюции. Там, в сильных выражениях говорилось о том, что «принимая во внимание совершенно новые, прогрессивные». . . я уж не помню что, --но принимая во внимание что-то необычайно хорошее, ученый совет присуждает. . . Я ничего не успела запомнить, как Марр, зачитавший это стоя, сам (вместо ученого секретаря) в мгновение ока кивнул налево и направо, сказал «возражений нет» --и закрыл собрание. Никто не успел опомниться.»²¹ Для Фрейденберг это было началом союза, который предрешил ее академическую карьеру. К концу 20-х годов Марр стал самым авторитетным голосом советского языковедения. Но Марр стал корифеем в языкознании не сразу.

После защиты Фрейденберг провела год в поисках работы. Иногда она давала уроки английского языка. Она писала, публиковала статьи, читала доклады. В 1925 ее приняли в ИЛЯЗВ с окладом 24.33 руб. В следующем году, Марр пригласил ее в свой Яфетический институт. Она продолжала работать над будущей докторской диссертацией, «Поэтика сюжета и жанра». В 1929 ИЛЯЗВ стал ИРК--Институтом речевой культуры. В конце двадцатых годов Фрейденберг, под

²⁰«Записки», 3, с. 83.

²¹Борис Пастернак. Переписка с Ольгой Фрейденберг, New York, 1981, с. 79.

руководством Марра, организовала и редактировала коллективный труд «мифической секции» Яфетического института о Тристане и Изольде.

Фрейденберг закончила свою «Поэтику сюжета и жанра» в 1928ом году. Она показала ее Марру, который обещал опубликовать ее и принять в Яфетическом Институте как докторскую диссертацию. Начиная с сентября 1928 года, Фрейденберг долго билась над публикацией «Поэтики». В декабре Марр сообщил, что ее работа принята в издательстве Коммунистической Академии, но потом поставили условие, что она приедет в Москву читать доклад. В Москве Фрейденберг познакомилась с Валерианом Аптекарем, который пропагандировал Марра. По возвращению в Ленинград, она послала Аптекарю рукопись, но работу так и не напечатали и издательство Комакадемии скоро закрыли.

Власть марристов росла с каждым годом. В 1932, когда организовали кафедру классической филологии в ЛИФЛИ (Ленинградский институт философии, литературы и истории, впоследствии филологический факультет ЛГУ), его директор, Горловский, хотел, чтобы кафедрой заведовал человек со связями с Марром. Он выбрал Фрейденберг. Она два месяца отказывалась в пользу Жебелева, Маленна, Толстого, но в конце концов согласилась и пригласила ученых со всех концов страны, давая предпочтение ученым-исследователям.

Из записок Фрейденберг ясно, что близость ее к Марру была естественной и что она началась до того как марризм стал единственной официальной советской школой языковедения. Дважды Фрейденберг пишет что не Марр, а она впервые вводила как предмет изучения семантики рядом со словом и действием вещь.²² Фрейденберг предвосхитила в своих неопубликованных работах идеи выраженные Марром в печати. Она не скрывает ограниченность Марра и в человеческих отношениях: «он думал об одном всегда, ночь и день. Для него не существовала ничего, кроме палеонтологической семантики в приложении к

²²«Записки,» 3, с. 203: 5, с. 182.

отдельным словам. Здесь он был мастер, артист, гений, бог.»²³ Но он, с ее точки зрения, оказался неспособным к «любви учителя к студенту».²⁴ В 1936 Фрейденберг написала свои воспоминания о Марре, которые недавно появились в печати.²⁵ Она пишет, «Меня толкнули на это слащавые, фальшивые воспоминания, напечатанные в том [1936] году.»²⁶ Но тогда цензура не пропускала ее версию²⁷.

Фрейденберг не скрывает свою неприязнь ко всем, кто окружал Марра, и ее воспоминания подтверждают версию, что крайности марризма, это не вина самого Марра, а, скорее, его последователей. «Вокруг Марра толклись какие-то ничтожные поджалимы, не способные ни к какой науке, неучи, страшные фанатики, какие-то коми, чувашаи, армяне, грузины. . . Когда же Марр, желая продвинуть свою теорию, стал заискивать у власти, все эти чувашаи, в роли партийных секретарей и председателей месткомов, обратились в страшную силу, которой боялся сам Марр»²⁸ писала Фрейденберг в «Записках».

Марр и марризм продолжали влиять на Фрейденберг и на ее судьбу и после его и ее смерти. Когда марризм стал обязательным методом в лингвистике, Фрейденберг понадобилось доказать свою с ним близость. Это было особенно неприятно во время публикации «Поэтики сюжета и жанра» в 1936. «От меня требовали признания, что моя книга написана по Марру: всякое дыхание меня самой изгонялось. В отделе «вещи» мне ввели Марра—а это было неверно, так как я шла от немецкой археологии, от Узенера с его метафористикой вещи.»²⁹ Марра искусственно ввели во многих местах, предисловие переписали пять раз, включая все больше и больше Марра: «в предисловие вставлены фразы о Марре писанные под

²³«Записки», 3, с. 80.

²⁴«Записки», 1, с. 48.

²⁵О. М. Фрейденберг, Воспоминания о Н. Я. Марре, с. 181–204.

²⁶«Записки», 5, с. 178.

²⁷Там же, с. 178.

²⁸«Записки», 3, с. 134.

²⁹«Записки», 5, с. 183.

мой слог.»³⁰ «Во мне накопело в душе от Марра. Чем влиятельней он становился, чем насильственной он заставлял принимать свое учение и подлаживаться под политику, тем громче поднимался во мне негодующий протест. Я желала сбросить с себя гнет его имени, тяготевший над моей научной индивидуальностью: мне надоело терпеть гонение за недостатки его теории и отдавать в его приходную книгу свои научные достижения.»³¹

Во главе тех, кто хотел, чтобы Фрейденоберг «отдавала в приходную книгу Марра свои научные достижения» был Валериан Аптекарь. Аптекарь—типичный пример тех, кто пользовался успехом Марра для своей карьеры. Аптекарь помогал Марру облекать его теории в подходящие марксистские фразы. Фрейденоберг так описывает свою первую встречу с Аптекарём в 1928: «Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень или местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний («методологии») не нужны самые знания.»³² Когда «Поэтика» появилась, Аптекарю она не понравилась: в ней не хватало Марра. Его замечания к Фрейденобергу дают картину академической атмосферы 1936го года: «Сейчас в обстановке открытой и прикрытой травли Н. Я., точнее его великого дела, —необходимо опускать на головы гадов полные котлы смолы и других подобных специй, всякий ложный шаг особенно опасен, всякий недостаточно углубленный анализ—на руку врага.»³³

³⁰«Записки,» 5, с. 184.

³¹«Записки,» 3, с. 144–145: Борис Пастернак—Ольга Фрейденоберг, Письма и воспоминания.—«Дружба народов», 1988, № 7, с. 201, прим. 15.

³²Борис Пастернак—Ольга Фрейденоберг, Письма и воспоминания.—«Дружба народов», 1988, № 7, с. 224.

³³«Записки,» 6, с. 8.

Фрейденберг не понравилось новые изменения в школе Марра: «Столько лет, борясь за Марра, я боролась за передовую мысль и ее независимость: теперь я видела, что она сама стала деспотичной, нетерпимой, неумной.»³⁴

Для Фрейденберг, чем популярнее и обязательнее Марр становился, тем труднее ей было оставаться марристкой. Она всегда стихийно протестовала против всякой ортодоксальности, поэтому ей было сложно, когда теории Марра были канонизированы и спорить с ними открыто запрещалось.

Наследие Марра еще ждет бесстрастного критического анализа в Советском Союзе. В 50ые годы сталинская анафема устранила возможность серьезного разговора о его вкладе в науку. Но и после мало кто относится к наследию Марра объективно. Те кто пострадал от преследования марристами—т. е. большинство лингвистов достойных этого звания—вообще не хотят обсуждать никакие теории Марра.

С точки зрения научной работы, нет сомнения, что Марр вдохновлял Фрейденберг и способствовал ее работе. Но принятие лингвистики Марра нанесло ущерб ее работам, особенно в 20-х и начале 30-х годов, когда ее статьи изобилуют марристскими этимологиями. Что Фрейденберг нашла полезным в новой теории о языке?

В терминологии Романа Jakobsona, доминантой марровской лингвистики является парадигматический полюс³⁵. Марра интересовала сходство, и он всегда старался доказать генетическое тождество двух слов, исходя из семантического тождества. Трансформационные правила, чтобы добраться от одного термина к другому кажутся как бы придуманными на ходу—они менее интересовали Марра, чем тождество данных форм. Марр практически игнорировал смежность в

³⁴«Записки», 5, с. 145: Воспоминания о Н. Я. Марре, с. 201, прим. 15.

³⁵ Идея о парадигматическом и синтагматическом полюсах связана с болезнью афазия: *Aphasia as a Linguistic Topic, Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbance.* -- Roman Jakobson, *Selected Writings*, The Hague, 1973, с. 229-59.

пространстве и во времени: не было заимствований, лингвистические элементы не передвигались, фонологические изменения не были обусловлены ни фонологией (смежными звуками) ни временем (что означало бы линейное, горизонтальное, поступательное изменение).

Развитие теорий Марра похоже на описанный им процесс, в котором изначальные четыре элемента размножались путем раздвоения, качественного противоречия, скрещения, и стадильности, чтобы произвести все языки мира. Ввиду обширности его теории, ввиду количества языков, которые он принимал в свой круг зрения, не удивительно, что не получилось единой системы без противоречий. Но несмотря на невоздержание и крайности Марра, некоторые стороны его теории оказались плодотворными. В областях, в которых интуитивная интерпретация так же полезна как эмпирический подход, «новое учение о языке» дало толчок к новым открытиям. Одной такой областью является палеонтологическая семантика в применении к литературе.

Палеонтологическая семантика в фольклоре и литературе—это область Фрейденберг и Франка-Каменецкого. На самом деле они были единственными представителями «школы» литературоведения, у которой было больше названий, чем истинных последователей: «марровская», «яфетидологическая», «палеонтологическая», «семантическая», «генетическая». Слово «марровская» говорит само за себя. «Яфетидологическая» происходит от марровского названия сначала «яфетической» семьи, потом «яфетической» стадии в развитии всех языков. Марра интересовала доисторическая «палеонтологическая семантика» слов, их происхождение («генезис») в этнических и географических терминах.

В своем определении палеонтологической семантики, Марр писал, что «в семантике на различных ступенях стадильного развития одни и те же слова получают различные

восприятия значимости.»³⁶ Иными словами, форма остается, значение меняется во времени. Этой идеей, Марр правильно заметил, пренебрегли «буржуазные» формалисты—включая школу сравнительной истории индоевропейцев, которых Марр так ненавидел—и стали на позицию морфологического анализа фонологических закономерностей. Марр, и еще больше Фрейденберг, обратили внимание на толкование семантики одной не меняющейся формы в контексте разных стадий развития общества. Переход от палеонтологической семантики Марра в лингвистике к палеонтологической семантике Фрейденберг в поэтике достаточно прямой. Марр утверждал, что одна форма обозначала разные значения в разных стадиях (таким образом, одно слово, согласно Марру, могло обозначать «собаку» в одной стадии и «лошадь» в другой). В живых языках, которыми в основном занимался Марр, легко установить значение данного слова, спросив у носителя языка. В письменном древнем языке, в области Фрейденберг, проблема усложняется. Значение нужно восстановить из контекста, если слово по форме не меняется. Когда одна и та же форма употребляется в разных контекстах для обозначения чего-то другого (в отличие от более ранней стадии), объективный результат—то что мы называем фигуральность, иносказание. Фрейденберг как раз играет на этимологии слова «иносказание»: слово теперь «иначе сказывает». Мы обычно считаем, что иносказание—это употребление слов для обозначения чего-нибудь другого—не того, что они обычно обозначают. Фрейденберг толкует происхождение иносказания наоборот: естественное употребление слов, чтобы обозначить что-нибудь другое, создает эффект иносказания, фигуральности. Отсюда интерес Фрейденберг к исторической поэтике метафоры и сравнения.

Увлечение Марром привело в конце 20-х—начале 30-х гг. к самым крайним утверждениям Фрейденберг. Марровские

³⁶Н. Я. Марр, К семантической палеологии в языках неяфетических систем.— Избранные работы, Л., 1936, 2, с. 255.

фонологические изменения, которые можно было применять практически без ограничения ко всем языкам мира, помогли ей составить длинные списки якобы тождественных терминов. Тождество географически разбросанных терминов она оправдывала тем, что «локализация семантическая достоверней топографической»³⁷ Увлечение отождествлением иногда доходит до абсурда в работах Фрейденберг марровского периода. В статье о Терсите, она связывает Терсита с Ахиллом, Одиссеем, Агамемноном, Зевсом, и фармаками, как «восходящие к диффузному бесполому аморфному образу»³⁸ В статье о Маккусе и Марии, она связывает около ста терминов из разных языков на основе тождества марровских основ *mak (fak) - mag - mar*.³⁹ Но чаще всего Фрейденберг оставляет яфетический анализ своего материала лингвистам. Например, в статье «Thamyris» она приводит имена и также сюжеты вокруг этих имен, без яфетической этимологии, как «сырой материал для лингвиста.»⁴⁰ В «Воспоминаниях о Марре» Фрейденберг пишет, что она «не выпускала ни одной статьи, не проверив ее у Марра. Обычно я к нему приходила и говорила ему о своих выводах: он брал листик бумаги, начинал раскладывать слово на элементы и читал мне их семантику. Не было ни одного случая, когда литературоведческий вывод не совпадал бы с выводом лингвистическим.»⁴¹ Но память ей изменяет: материал об имени Тамирис Марр как раз не подтвердил: «это различные языки различных систем, имена ничего общего между собой не

³⁷О. М. Фрейденберг, *Thamyris*.--«Яфетический сборник,» Л., 1927, № 5, с. 76.

³⁸О. М. Фрейденберг, *Терсит*.-- «Яфетический сборник,» Л., 1930, № 6, с. 250.

³⁹О. М. Фрейденберг, К семантике фольклорных собственных имен 'Makkus' и 'Maria'.-- «Советское языкознание,» № 2, Л., 1936, с. 3-20: Фрейденберг по видимому не замечает иронию истолкования основы *mag* в значении «блаженный» и в смысле «святой» и в смысле «дурак, шут».

⁴⁰О. М. Фрейденберг, *Thamyris*.--«Яфетический сборник,» Л., 1927, № 5, с. 72.

⁴¹О. М. Фрейденберг, *Воспоминания о Н. Я. Марре*, с. 196-197.

имеют.»⁴² Часто Фрейденберг сравнивает мотивы из широко разбросанных культур и из разных исторических эпох в духе марровской лингвистики: «Хочется спорить с недопустимостью разбросанно-географических сопоставлений»⁴³. Фрейденберг сама понимала, что к ее анализу будут претензии из разных областей из-за широты ее охвата: «Широта моей специальности тоже осложняет дело—вместо десятка врагов у меня их будет сотня.»⁴⁴ Она оправдывала «тождество» мотивов тем, что одинаковые стадии культурного развития производят одинаковые мотивы—это культурный эквивалент марровского единства глоттогонического процесса, в котором общества на одинаковых этапах развития говорят на языках одинаковых систем.

Такая теория снимает проблему достоверности: любой вариант мифа так же достоверен как любой другой, безразлично из какого источника или когда он возник. Французский структуралист-антрополог Леви-Стросс так же избегает данной проблемы, когда он определяет миф как нечто «состоящее из всех версий». Его единство основано на структуре человеческого ума, а не на процессе культурного развития. Но тем не менее, самые строгие критики чаще всего критикуют мифологов-структуралистов из-за этого принятия всех вариантов.

В своих «Записках» Фрейденберг указывает, что она пришла к Марру самостоятельным путем: «Мне легко показать, исходя из хронологии работ Марра, свою полную самостоятельность. Но я ни одного года не прожила в свободной научной обстановке. Авторитет Марра и ортодоксальность его

⁴²«Записки,» 3, с. 194–195. Этот отказ от отождествления кажется нехарактерным для Марра, тем более, что в это время (1927) он уже выдвинул теорию о «единстве глоттогонического процесса».

⁴³О. М. Фрейденберг, *Thamyris*.--«Яфетический сборник,» Л., 1927, № 5, с. 76.

⁴⁴О. М. Фрейденберг, письмо Пастернаку 3.12.24 в Переписке, с. 88.

фанатичных учеников частью сбивали меня, неопытную, с толку, частью давили и терроризировали. Но внутренне я очень скоро сбросила с себя всякое принуждение. Именно потому, что я встретила с Марром с самостоятельной параллельной работой, я ценила, уважала, и понимала Марра и органически не была в состоянии изменить ему.»⁴⁵ Уже в период работы над «Поэтикой» Фрейденберг чувствовала себя неортодоксом среди учеников Марра. «Теория стадиальности всегда была мне чужда. Я находила ее поверхностной и эволюционной. Для меня самое интересное лежало в том, что различия определяют всякую жизнь, всякое функционирование, существование: это была исконная и единственно возможная форма выражения мирового единства. . . . Открыто возражать против стадиальности было нельзя. И как Марру не показалось подозрительным, что именно теория стадиальности была всеми сейчас же принята! И теорию четырех элементов я считала неверной. Сперва стихийно, а потом осмысленно я рвалась к тому, чтоб выводить «то» из «этого», «это» из «того», то есть класть качественный водораздел между фактором и фактом: по Марру, факт происходил из четырех архетипов.»⁴⁶

В своих лекциях, «Введение в теорию античного фольклора», которые были написаны в 40х годах, Фрейденберг открыто спорит с Марром: «Все предметы представлялись тождественными. Однако, несмотря на то что многообразие не осознавалось, оно объективно отражалось в образе. Этого не учитывали Марр и его школа.»⁴⁷ Фрейденберг интересовала именно это многообразие формальных разновидностей образа. Как и другие серьезные ученые, она считала теорию Марра о четырех элементах мистикой. Фрейденберг не согласилась с

⁴⁵«Записки», 3, 205: Воспоминания о Н. Я. Марре, с. 200, прим. 14: Дружба народов, 1988, № 7, с. 204.

⁴⁶«Записки», 5, 205: Н. В. Брагинская, О работе О. М. Фрейденберг, Система литературного сюжета.— Тыняновский сборник, Рига 1986, с. 277.

⁴⁷О. М. Фрейденберг, Введение в теорию античного фольклора.— Миф и литература древности, М., 1978, с. 20.

его интерпретацией «архетипов»: «Итак, я еще раз подчеркиваю невозводимость метафор друг к другу, их смысловое равноправие как разновидностей говорящего в них образа. Тем самым нет (по отношению к одному и тому же образу) архетипных метафор или метафор, происшедших друг от друга. Марр не прав, когда говорит об образах–архетипах.»⁴⁸ Еще одно расхождение с Марром происходит по поводу «закона семантизации». По Марру предметы получают названия по функции в производстве, по Фрейденберг они названы метафорически: «Так, например, первым питанием служили желуди: когда появились злаки и хлеб, они, выполняя функцию желудка, стали называться желудями. У Марра и у меня факты одни и те же, но их теоретическое обоснование различно. У Марра—линейный переход языковых значений по производственной функции нарекаемого предмета. У меня—отрицание того, что первобытное сознание могло понимать производственную функцию: предмет нарекался метафорически, без всякого отношения к его реальной функции в производстве.»⁴⁹ На рукописи она впоследствии оставила следующую запись: «Критика теории Марра, которого я глубоко уважала, вызывалась чисто научными причинами. В разгар насильственного насаждения его теории я не могла предполагать, что последует за 1950 годом.»⁵⁰

Фрейденберг устроилась на работу благодаря марровским связям, но она по той же причине потеряла свою кафедру. Весной 1948го года началось тщательное рассмотрение деятельности Фрейденберг под руководством Вулих⁵¹ и

⁴⁸Там же, с. 23.

⁴⁹Там же, с. 46.

⁵⁰Цитируется в О. М. Фрейденберг, Воспоминания о Н. Я. Марре, с. 200, прим. 13.

⁵¹Вулих появляется в «Записках» только в конце 40-х гг. как главный противник Фрейденберг. Она работала в администрации Университета.

Тронского⁵². Ее научные работы, ее студенты, ее кафедра—все подверглись следствию в поисках идеологических искажений. На официальном заседании, которое состоялось 1-го июня 1948, они пытались доказать, что Фрейденберг искажает Марра и поддерживает Веселовского.⁵³ Фрейденберг пишет, что «за волной в биологии пошла волна в лингвистике. Марр приравнен к Мичурину, Мещанинов к Лысенке. . . . Теперь Вулих провозгласила, что я «искажаю» Марра, и Бердников это подхватил, Тронский обосновал. Итак, я была против Веселовского—они объявили, что я «объективно» есть Веселовский. Я была за Марра—они объявили, что я «объективно» против него.»⁵⁴ Она пошла в атаку: она читала из учебника Тронского, где он сам хвалил Веселовского. Результат: в конце заседания зачитали резолюцию против и Фрейденберг и Вулих. «Ордалии» 1948го года Фрейденберг пережила, и хотя пыталась уволиться, осталась заведующей кафедрой.

Последние «ордалии» пришли два года спустя, когда началась так называемая «свободная дискуссия» о Марре в газете «Правда». Сначала борьба с космополитизмом способствовал упрочению позиций марровцев в лингвистике: «новое учение о языке» являлось сугубо советской наукой, в нем не было ни капли «низкопоклонства перед западом». Но оно было и космополитической наукой в первоначальном смысле этого слова, продукт 20-х годов, а не 40-х. Хотя работа Фрейденберг мало касалась лингвистики, непосредственного

⁵²Иосиф Моисеевич Тронский (1897–1970), лингвист и филолог, коллега Фрейденберг по кафедре, сменил фамилию на «Тронский» в 1937. Он получил работу в Университете (тогда Ленинградский институт литературы и языка, впоследствии ЛИФЛИ, потом ЛГУ) до Фрейденберг. Отношения между Фрейденберг и Тронским значительно ухудшились после войны.

⁵³Александр Николаевич Веселовский (1838–1906), русский литературовед. Фрейденберг считала свою «Поэтику сюжета и жанра» своего рода ответом теории «синкретизма» высказанной в его книге «Историческая поэтика», 1895–1906.

⁵⁴«Записки» 14, с. 41.

предмета дискуссии, разгром Марра распространялся и на его «учеников.» Сталин объявил Марру и марризму анафему, и все связанные с ним должны были каяться или подвергаться преследованию. Враги Фрейденберг воспользовались ситуацией, чтобы подготовить ее уход. «В последний день учебного года, 30го июня, проходила на нашей кафедре очередная ордалия. Ведьмой служила я. Судила меня Вулих. Когда Марр был в силе, она доказывала с пеной у рта, что у меня с ним нет ничего общего. Теперь она проводила между нами знак полного тождества.»⁵⁵ Кругом все каялись в своей ошибке. Если человек особенно громко каялся, это значило, что он раньше с особенной энергией поддерживал Марра. В такой обстановке Фрейденберг, которая никогда не верила ни в четыре элемента, ни в стадильность, ни в переход значений по функции и давно не пользовалась марровской терминологией выразила свое уважение к Марру и отказалась отречься от своего учителя и коллеги. Фрейденберг возобновила свои просьбы об увольнении, и их в следующем году удовлетворили.

Да, Фрейденберг была марристкой. И хотя она получила кафедру благодаря связям с Марром, в лагерь к Марру она пришла самостоятельно, а не из карьеристских соображений. И поплатилась она за марризм и за мужество неотречения от Марра сначала кафедрой в период разгрома Марра, а посмертно четвертьвековым забвением. В области литературоведения, школа палеонтологической семантики оказалась плодотворной. Работы Фрейденберг и Франка-Каменецкого о литературе далеки от крайностей марровского языковедения. Но только сейчас к ним обращаются советские и зарубежные ученые, которые не боятся тени Марра. Будем надеяться, что теперь, когда во всех областях идет волна переоценки наследия периода Сталина, Фрейденберг тоже заслуживает объективного и беспристрастного анализа и займет, наконец, свое место в истории советской науки.

⁵⁵«Записки», 14, с. 138.